

ПЕРЕВОДЫ

Сергей Магил

ГДЕ НАХОДИТСЯ ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ?

Кто такой Кларк Кулидж, я не-знаю. Мне его рекомендовали как представителя Сан-Францисской поэтической школы. Возможно, что такая школа действительно существует, хотя я лично затрудняюсь сказать, каковы ее поэтические принципы. Возможно, что Кларк Кулидж действительно живет в Сан-Франциско или хотя бы в Калифорнии, если допустить, что он вообще американец и существует в природе. Мне он явился как фантом — без возраста, без места рождения и прописки, без обозначений национальной позиции. Лишь голый язык /добротный британский/ без привносимых биографией обстоятельств, лишь чистый текст /до странности поэтический/ без закулисных нюансов интригующего персонального бытия. Явилась тонкая книжечка стихов в картонной, мало серьезной, обложке. Оказалась, при внимательном со всех сторон разглядывании, детищем некоего потустороннего в прямом и переносном смысле издательства "Туумба-пресс, Беркли, Калифорния", рожденным на свет в количестве 475 экземпляров и ценою в 3 доллара — каждый. На предпоследнем листе карандашиком было написано — экземпляр № 300. Что касается национальной принадлежности, то в сборнике Кларка Кулиджа я встретил два туманных указания на этот счет, два географических названия, странным образом соотнесенных, — оба в одном стихотворении, одно за другим: в верхней строчке было написано — "Россия — это то, что построено из воды и лица", в нижней — "Америка — это то, дальше никаких слов. В другом стихотворении и того чище. — "Она думала, что я марсианин — мое пальто мои молитвы..." Однако, еще до этого, пробегая глазами крепко сбитые, сжатые смысловые капсулы разноразмерных и конечно же нерифмованных строчек то ли англоязычного стиха, то ли и впрямь молитвы на отличном, кстати, английском, без лишнего слова на том или ином университетском жаргоне, без единого даже американизма, что тем более странно, если парень с тихоокеанского побережья, а не, скажем, из Новой Англии с ее богемно-универ-

ситетским чисто британским вариантом стиха, — так вот, чистая все это, начинающее вклиниваться в мозг отточенно-ясным и бескомпромиссным тэссэлиотовским стилем и метром, равно как и его легкой само- и над остальными иронией, вдруг наткнулась —

Если я не знаю, я все же могу видеть.

Это заставляет динозавра бесконечно долгое время
.. падать на землю

Здесь меня прервали, попросив укачать семимесячную девочку. С этой задачей я, конечно, не справился, но пока носил на руках теплое плачущее существо и подавлял в себе не- сильный, но вполне понятный гнев человека, которого отрывают от служения-искусству ради суесть низкого быта, я понял, почему этот Кларк Кулидж заставил меня переводить себя: он заставил меня делать это, потому что не просил об этом. Он ни о чем никого не просил, не просит и, наверное, не будет просить. Он внимательно смотрит, как безнадежно падает на землю допотопный динозавр естественной человеческой жизни, он не испытывает при этом гнев человека, которого в один прекрасный день могут запросто укокошить, духовно или физически, оторвав тем самым от служения искусству, он просто думает — "Самолет это контейнер", то есть не средство передвижения, а всего-навсего ящик, который может треснуть и что-нибудь уронить тебе на голову, но и его в то же время могут запросто уронить на землю вместе со служителем искусства, если таковой, к примеру, в этом ящике находится. "Мое имя теряется среди выстрелов", — достаточно спокойно отмечает Кларк Кулидж. "Мое имя уловлено, как последние слова погибшего племени."

.. Странное дело, но поэзия Кларка Кулиджа — а она все-таки есть, эта поэзия — по-старомодному гуманна. Ее основной стержень — это любовь и этика, хотя само слово "любовь" я обнаружил здесь лишь однажды — и то по отношению к той же поэзии, а не, скажем, к человеку:

Поэзия — это урок любви без веры в то
что она сбудется

Ну а все, принятое называть любовью, особенно если она происходит на последнем ряду в темном кинозале /в Беркли, штат Калифорния, или на Разъездной, в кино "Победа", бывшем "Молоте"/, Кулидж описывает простенько /в отрывках/:

Пенис поднялся обсудил положение затем затих...

Трепет, пробное тисканье, нет времени настроения

Выход на улицу забит...

Машина

Пошлость - это болезнь

Она присасывается

Отношения Кулиджа /поэта, человека?/ к женщинам вообще странны. Женщин в его поэзии просто нет. То есть местоимения женского рода встречаются, конечно, раза два, три, в таком, скажем, контексте:

Ее суждения так же скучны как розовый цвет ее сосков - женских имен нет вообще, и не дай бог, никаких там признаний в любви и страсти. Хотя по всему видно, что парень он крепенький, этот Кулидж. Да он и сам проговаривается в одном месте о том, что "сильное доказательство /можно перевести и "причина"/ находится между ног". Можно сказать, что всем этим любовная, так сказать, лирика Кларка Кулиджа и исчерпывается. Нет у него, в отличие от его коллег по этой самой Сан-Францисской школе, ни гимнов пеннсу во всех его состояниях, ни половому акту, ни женским и соответственно мужским запретным прелестям. Нет у него, как это ни странно, и обычных для сверхраскованной и лишенной комплексов современной американской поэзии непечатных, в нашем, конечно, понимании, слов, так что не надо ломать себе голову, как надо переводить какой-нибудь надкомплексный перл - мутота или просто херня.

Кулидж, повторяю, старомоден, но при этой старомодности у него помимо темы любви к женщине отсутствует напрочь и тема любви к Богу. Т.е. термин "Бог" просто ни разу не упоминается в его стихах.

Здесь я хочу скромно заметить, призвав на помощь статистику давно, глубоко и принципиально закопанной в прошлое эрудиции, что Бог у Кларка Кулиджа все же имеется, но как эда-

кое хайдеггеровское "Ничто-присутствие". То есть как бы Его и нет, но именно тот факт, что Его вроде бы не существует, заставляет нас постоянно ощущать Его взгляд, которым Он внимательно смотрит из-за наших спин на все, нами и с нами творимое. Бог присутствует в стихах Кулиджа как некая напрямую неназываемая любовь ко всему живому, которая разлита в самих словах, в принципе их употребления, использования и соединения, в самих образах и смыслах кулиджевской странноватой поэтики — это постоянное, как бы и впрямь "за-спинное" ничто-присутствие или скажем присутствие чего-то, что заставляет нас озираться по сторонам и даже немного стыдиться своих гаденьких целишек. Хайдеггеровскую ниточку обнаруживает, на мой взгляд, и словечко "забота", которое появляется в одном из первых стихотворений — "твои мысли это твоя забота". Слишком уж это слово хорошо здесь укладывается в тот философский контекст, который нам, бывшим и проклятым эрудитам-хайдеггерофилам так назойливо знаком. "Забота" как один из экзистенциальных моментов, толкающих тебя к обретению Абсолюта в твоём бытии, устремленном к смерти. Итак, говорит Кулидж, — "твои мысли это двоя забота". И еще в одном измерении Кулидж, на мой взгляд, тянется к Хайдеггеру: в понимании языка как "дома Бытия". Только в отличие от Мартина Кларка ищет "берлогу языка, его логовище", место обитания слова, того единственного слова, из которого замешивается маленький кирпичик мира. . . .

И более никаких ассоциаций я у Кулиджа не нашел /может быть невнимательно читал и слушал/: но нет и все: ни христианско-иудаистских, ни дзен-буддистских, ни, что уж совсем странно для современной американской поэзии, литературно-политических. Один раз, правда, Кулидж пишет, что "все вещи в мире существуют только для того, чтобы запутывать министерство обороны", но это так, к слову, да и слишком впрямую.

Но в чем же, наконец, спросите вы меня, этот пресловутый кулиджевский гуманизм, в чем же и к кому эта его любовь?

Здесь меня опять прервали, попросив сделать фарш для котлет. В доме было мясо. То есть оно было в холодильнике,

а как оно, вернее она, эта багровая огромная вырезка туда попала, я из тактичности ни у кого не спросил. Да и какое это имело отношение к Кулиджу и его гуманизму? Но пока я остервенело и опять же сдерживая гнев, крутил ручку мясорубки, я вспомнил — о хвала благу в мясном отделе — где я читал уже раз в жизни подобные стихи, стихи без женщин и без Господа, но все же истинно гуманные и хороши, черт возьми, события. У старика Волошина. На слово у нас давно не верят — и правильно. Поэтому сообщу то, что вспомнилось за мясорубкой. Первое из стихотворения "Подмастерье", написанного в 1917 году:

Стих создают — безвыходность, необходимость, сжатость,
сосредоточенность.

Нет грани меж прозой и стихом:

Речение,

в котором все слова

притерты, пригнаны и сплавлены...

у Кулиджа:

Чтобы работать я должен быть черств

Пока литеры выкладываются на доску

Шлифовать язык между строфами

Хлебом и светом

или:

Так, высвобождаясь

от власти малого, беспамятного "я",

увидишь ты, что все явления —

знаки,

По которым ты вспоминаешь самого себя

И волокно за волокном собираешь

Ткань духа своего, разорванного миром...

И снова Кулидж:

В поэзии нет ничего что могло бы напомнить

о мире

Это вечный поворот назад, но не воспоминанье...

рельефных предметов рисует карту
вычеркивания

Вещи которые не просто идут друг за другом
и не просто в борьбе
Огромность мира который не обладает чувством печали
Кирпич который кладешь после фокуса мозга
и большого пальца

Необходимо, на мой взгляд, привести почти целиком и стихотворение Волошина "Доблесть поэта":

Править поэму, как текст заокеанской депеши
/заокеанской, заметьте, — это что мистическое совпадение?
только сейчас увидел/

Сухость, ясность, нажим, начеку, каждое слово
Букву за буквой врубать на твердом и тесном камне:
Чем скупее слова, тем напряженней их сила
Вытравить из словаря слова "Красота", "Вдохновенье" —
Подлый жаргон рифмачей... Творцу же поэту — понятья:
Правда, конструкция, план, равносильность, сжатость и
точность.

А вот Кулидж, воюющий с рифмой:

Но я не пишу, как пускают в расход
Кто льет мелодию воду льет
Над речкой гомон птичьего обеда
Как же не взяться в поэзии шуму?

Говор малых рельефных предметов рисует карту
Поэзия это вычеркивания
Все должно быть увидено вне подязычных подтекстов

Америка к нынешнему дню настолько забита россиянами
всех школ и направлений, что мне порой кажется, будто вся
современная американская живопись вышла, например, из Фило-
нова и Шагала, музыка из Рахманинова и Стравинского, поэ-
зия из Хлебникова и поэтов формальной школы. И хотя я поче-
му-то уверен, что Кларк Кулидж Волошина никогда не читал и,

скорее всего, даже имени его не слышал, стихи этого тихого и неизвестного американца удивительно напоминают мне какую-то крепко-сколоченную русскую поэзию на английском языке. Может ли это быть? Так я чувствую — и ничего тут не поделаешь. Отсюда и этот странный неброский гуманизм, живущий в каждом стихе, и любовь к замученному миру, к простым его вещам, таким, как снег или дом, животное или даже человек, а больше всего — любовь к родному слову, к стихии материнского языка, что так свойственно, как мне кажется, именно русской поэзии.

И тем не менее, Кулидж не только по-русски-волошински, но и по-американски-хемингуэевски борется в своей поэтике за единственно верное слово, изгоняет рифму. — а не стала ли она в наше время действительно "подлым жаргоном"? — почти безнадежно пытается передать, сохранить самое, с его точки зрения, главное — самое имя вещей, окружающих нас ежесекундно, и лишь названиями этих вещей выстроить единственно реальный мир, потому что из чего же еще можно его выстроить? Кулидж не мифотворец, не эпик и не эстет. Он думает несколько тяжеловесно и не очень, может быть, поворотливо, но в постоянных поворотах его тяжелой мысли возникают из казалось бы несочетаемых сопоставлений — при полном отсутствии метафор — берущие за душу образы, неуловимые и бездонно емкие, на которых и стоит, наверное, истинная поэзия.

И есть, есть конечно же в нем корень американский, питающийся соками не только великого упряма Уитмена и великого нелюдима Торо, но и доджиковой, чистой и ледяной водой Тэасэлиота. Стих Кулиджа так же прозрачен, отчетлив, промыт, так же безукоризненно корректен, медитативен, насыщен смыслами и одновременно прост, как и стих позднего Тэасэлиота "Бесплодной земли" и особенно "Четырех кварталов". Есть у Кулиджа даже маленький плагиат величиною в одну строку — плагиат конечно же из Элиота. — А может и не плагиат, а сознательная аллюзия, отсылающая читателя к одному из лучших Тэасэлиотовских квартетов, к Ист-Коукеру, в пятой части которого говорится:

Пытаюсь учиться словам и каждый раз
Начинаю сначала для неизвещенной неудачи;
Ибо слова подчиняются лишь тогда, ..
Когда выражаешь ненужное или приходят на помощь,
Когда не нужно. Итак, каждый приступ..
Есть новое начинание, набег на невыразимость
С негодными средствами, которые миссякают
В сумятище чувств, в беспорядке нерегулярных
Отрядов эмоций.

/перевод А.Сергеева/

Кулидж откликается на это одной фразой: "Рукопись это ошибка, волна неудач". Задача же его, как я понимаю, избавиться от этих самых "нерегулярных отрядов эмоций", потому что самому миру, который поэт выражает через строгое слово, чужды, по его выражению "эмоции, похожие на печаль".

Здесь можно было бы и закончить короткий разговор о Кларке Кулидже, если бы меня опять не прервали и не приказали убираться с кухни, чтобы не мешать четырехлетнему мальчику поглощать завтрак. Ибо наступило утро и я, убрался с кухни, вспомнил об одном симптоматическом вопросе, который прозвучал совсем недавно и очень настойчиво: "А зачем нам сейчас эта современная американская поэзия, когда надо снести родину?" Но я тоже спрашиваю — разве мы боимся что-то утратить, или боимся чего-то не понять? Или боимся, что нашу, с таким трудом насыщаемую дамбу, отделяющую нас от стихии массовой культуры, размоют чуждые русскому мироощущению влияния многоязычного мышления? Но тот же универсальный Тэсселиот сказал об этом так:

...Страна... которую хочешь
исследовать и покорить, давно открыта.
Однажды, дважды, множество раз — людьми, которых
Правдой невозможно — и незачем соревноваться,
Когда следует только вернуть, что утрачено..
И найдено, и утрачено снова и снова; и в наши дни,
Когда все осложнилось,

Сборник Кларка Кулиджа, который я держу в руках, назн-

вается "Исследование". И сам он пишет в одном из стихотворений: —

Исследуй, исследуй бубни
Вода по-разному течет на полушариях...

Давайте посмотрим, как она течет, эта чистая вода поэзии, на "том" полушарии, — которое так долго, да и по сей день, скрыто от нас за железно-ракетным занавесом. И если уж не пролететь пассажирскому самолету, то мысль: чувство, биения сердца обязательно долетят, а наше дело — принять их на посадку и попробовать услышать. Улыцать, значит и спросить — а как там у вас с рифмой, на Западном побережье. Или на острове Патагония — какая, в сущности, разница? Была бы поэзия, которая лишней раз напоминает нам о том, что мы дети одной планеты и зачем-то ведь появились на этот странный свет! —

Вот и поэзия Кулиджа — это сплошной вопрос, в переносном, да и в прямом смысле. Недаром в его сборнике так много вопросительных предложений. Он постоянно спрашивает, а знает постоянно пытается понять... Что говорил по этому поводу мудрейший Тэес?

... А может, ни прибыли, ни утрат. —

Нам остаются попытки. Остальное не наше дело.

Дом — то, откуда выходят в дорогу. —

Дом — то, откуда выходят в дорогу, — повторяю я, — а не твердыня, замыкающая ворота для всех входящих. Впустим Кулиджа — что он хочет сказать? Пытаясь, исследуя, пробуя, он отвечает — "Температуру пространства выразить через синтаксис". А пространство на нас на всех одно. Да и синтаксис, по сути, один.

Фасад моего мира разбросан белками растащан прочь
Я жил в том доме, и теперь я знаю что никогда
не вернусь туда вновь

Не вернусь...
К этим грудям всегда наготове
Я опрокинут своим неумением сопротивляться
Но я не пишу как пускают в расход
Кто льет мелодию воду льет
Над речкой гомон птичьего обеда.
Как же не взяться в поэзии шушу?
Итак быть, но каким?
Чтобы работать я должен быть черств
Пока литеры выкладываются на доску
Шлифовать язык между строфами
Хлебом и светом

Вещи которые не просто идут друг за другом
и не просто в борьбе
Огромность мира который не обладает чувством печали
Кирпич который кладешь после фокуса мозга
и большого пальца
Снег который невозможно сгрести, тоска по труду
который приводит к ошмцанью в пространстве
Одежда оказывается слишком короткой чтобы написать
роман об огне

Я столкнул пеликана с дороги, это было на острове,
там не было будущего
Где залегают слова, где место его обитания, чемодан
на соседнем сиденье
И почему слова "диод гроыхающих звуков" появляются
здесь после этого?
Внутри тела ужасный напор, его никогда
не ослабить

Я хороший или плохой?
Никто не знает о чем
этот вопрос, знают-лишь что я-костяв
Мои мысли так же далеки от вас как мой мозг
от-вашей ласки.
Музыка была примадонной под газовым фонарем
Трубы в подвале
Рев, регулярные выплаты долга, коридоры-
Лице которое никто-не мог увидеть, слова которые
слышали и забывали
Нет-ничего-в спине кузнеца
Совсем никакого смысла
Мир войны это стены

Как вы видите все вещи на улице одновременно освещенные
бесстрастным солнцем?
Желание открыть книгу в зародыше движения руки
Но вы знаете-что делает-дым он постепенно затепляет все
чтобы остаться последним слоем на поверхности вещей
Я не понимаю слов понимаю только то
что они делают- . . .
Делают ли они что-нибудь?
Улыбка маячит в щеле.
Но словарь открыт гораздо больше времени чем-как вы думаете
-нужно для того чтобы взвесить-клопа-или самку питона
Инстинкт родного языка использовать счастливый случай
Или быть хозяином в доме или рабом
Этот-что-то-такое что не-может-достичь-вершины
Падаешь каждое утро-многие годы
Пока скука не прекратит это
Снаряд не вобьет это в землю как гвоздь
В тебе больше пауз чем прожитых-лет
Что-за эффектное зрелище открывается нам
С расстоянья?
Точка внутри которой
Мы в тупике

Поэзия есть вещество терпения мысли
Белка наколота
Движение жизни-это рука в броске
Птица слетает с дерева и на нас веет
 будущим
Меняйте то чем владеете
Полностью
Живите
Мир это крыса на пути отступления
Стиха, три удара пером
Здесь были тощие-взносы
Когда я получу дар смерти вы не сможете забыть
 то что я вымарал

Снег-падает на виноградники, шипы, антенны
Снег-водопад
Воздух-как
Фотография света
Гласные независимы
Согласные скрещиваются
Разглашенные тайны постепенно как берег
Место-трава-
Возбуждение-вилы
Слишком много пространства и нет времени
Рукопись-это ошибка, волна неудач
Час-опуванчик
Улицы вот доказательство
Мозг надеет в себе луковку
Небо вод
Оцепененье сплетенных рук, кожа чесотку
Исследуй, исследуй бубни
Вода по-разному течет-в полушариях
Твои мысли твоя забота

Как вы открываете-рот?
 В поэзии нет ничего что могло бы напомнить
 о мире
 Это вечный поворот назад, но не воспоминанье
 Когда пишешь рукой-чувствуешь кожу
 Есть в черепе улица которую глажу
 гимном мужчины
 Ее-путь к окончанию слова в строке, есть яркость
 Посвист молчания за бортом непогоды
 В словах его нет соглядатая
 Говор малых рельефных предметов рисует карту
 Поэзия это вычеркиванья
 Все должно быть увидено вне подъязычных подтекстов
 Никто не расслышал Уитмена в зале столетия
 Машины попали в точку
 Делая то что мы делаем лучше всего
 Ради шутки кто-нибудь голым пальцем касался
 - подошвы шлепанца
 Чистый цемент выходил наружу в карьерах
 Поэт не занимался на службу

Что называется-странствием?
 Кто исследует суть изумленья?
 Как действует мускул в процессе письма?
 Не мог ли иной интеллект подойти в результате
 плотную?
 Музыка переизбыток но напряжения нет
 Мозгу в ответ
 Выкрикивай в штерм
 Нормально лишь слово которое надо осмыслить
 Хлопья над Крымом-шуршат
 Наметаем что сделано

//////////